

УДК 82-193.1

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-98-108

СТРУКТУРА ЭНИГМАТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: СУБЪЕКТНО-АДРЕСАТНЫЙ АСПЕКТ

Новикова К. А.*Кубанский государственный университет**350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить особенности субъектно-адресатной структуры авторских энигматических текстов.**Процедура и методы.** Проведён сравнительный анализ подходов отечественных и зарубежных исследователей к структурным особенностям энигматических текстов. Для выявления субъектов речи, типов и особенностей субъектно-адресатной структуры авторских энигматических текстов использовались метод сплошной выборки, методы контекстуального и структурно-семантического анализа.**Результаты.** Исследование показало разнообразие субъектов речи в авторских энигматических текстах. Типы субъектно-адресатной структуры энигматических текстов, субъектом речи в которых выступает персонифицированный энигмат, демонстрируют различия в степени языкового взаимодействия нарратора и наррататора и эксплицитной реализации их ролей во внутритекстовой коммуникации.**Теоретическая и практическая значимость.** Полученные выводы вносят вклад в изучение авторских энигматических текстов. Языковой материал может быть использован в курсах по теории текста, стилистике, лингвопрагматике.**Ключевые слова:** адресат, наррататор, нарратор, субъект речи, субъектно-адресатная структура, энигмат, энигматический текст

THE STRUCTURE OF AN ENIGMATIC TEXT: THE SUBJECT-ADDRESS ASPECT

K. Novikova*Kuban State University**ulitsa Stavropolskaya 149, Krasnodar 350040, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the peculiarities of the subject-addressee structure of the author's enigmatic texts.**Methodology.** A comparative analysis of domestic and foreign researchers' approaches to the structural features of enigmatic texts has been carried out. The authors of the article used the continuous sampling method, methods of contextual and structural-semantic analysis to reveal subjects of speech, types and peculiarities of subject-addressee structure of the author's enigmatic texts.**Results.** The research revealed a diversity of speech subjects in the author's enigmatic texts. The types of subject-addressee structure of enigmatic texts, with a personified enigmatic subject of speech, demonstrate the differences in the degree of linguistic interaction between a narrator and a narratee and an explicit realization of their roles in the intra-text communication.**Research implications.** The findings contribute to the study of author's enigmatic texts. The linguistic material can be used in the courses on text theory, stylistics, linguopragmatics.**Keywords:** addressee, narratee, narrator, subject of speech, subject-addressee structure, enigma, enigmatic text

Введение

Изучение структурных особенностей энигматических текстов в русле антропоцентрического подхода непосредственно касается вопросов взаимодействия адресанта и адресата данных текстов. Целью нашего исследования является выявление особенностей субъектно-адресатной структуры авторских энигматических текстов. Для реализации цели исследования в работе решаются следующие задачи: рассмотрение подходов к изучению структуры энигматического текста; определение субъектов речи авторских энигматических текстов; выделение типов субъектно-адресатной структуры авторских энигматических текстов и описание их особенностей.

Новизна работы заключается в том, что впервые удаётся представить особенности субъектно-адресатной структуры авторских энигматических текстов именно на материале немецкого языка.

Материалом исследования послужили более 900 литературных немецкоязычных энигматических текстов, авторами которых являются писатели и поэты второй половины XVIII – первой половины XX вв.: И. К. Ауэрнхаммер (1793–1862), Э. Бушор (1886–1961), Ф. фон Эльсхольц (1791–1872), И. Ф. Кастелли (1781–1862), К. Т. Кёрнер (1791–1813), К. А. Кортум (1745–1824), Г. Х. Мостар (1901–1973), К. Тёпфер (1792–1871), И. Г. Тиле (1745–1824), И. П. Хебель (1760–1826), Ф. Шиллер (1759–1805), Ф. Шлейермахер (1768–1834) и др.

Обзор подходов к рассмотрению структурных особенностей энигматического текста

В отечественном и зарубежном языкознании подчёркивается структурное многообразие загадки как основного репрезентанта энигматических текстов [2; 18; 20; 22], а структура загадки анализируется с точки зрения разных подходов. Первые описания структурной органи-

зации касались исключительно вопросительной части загадки (энигматора), то есть отгадка (энигмат) оставалась за пределами научного интереса. Так, Р. Печ в 1899 г. выделил пять структурных элементов загадки: вводный рамочный, центральный называющий, центральный описательный, затрудняющий, заключительный рамочный. Рамочные элементы не являются неотъемлемой частью всех загадок и содержат, как правило, обращение к адресату, призыв к отгадыванию или указание на место событий, описываемых в загадке. Центральные называющие и описательные элементы – это замещающие и характеризующие энигмат языковые единицы. Затрудняющий элемент создаётся посредством кажущегося противоречия описываемых признаков энигмата и, также как и рамочные элементы, может отсутствовать в тексте загадки [20, р. 49–131]. Представления Р. Печа об организации загадки находят своё отражение в работах А. Тэйлора, Р. А. Жоржа, А. Дандеса и А. Шёнфельда, фокус исследования которых также сосредоточен на вопросной части энигматических текстов [21]. В 80-е гг. XX в. появляются исследования, объектом которых выступает структура загадки как совокупности вопросной и ответной частей. Обращаясь к терминологическому аппарату логики, Э. Кёнгес-Маранда выделяет следующие структурные составляющие загадки: явный термин (означающее метафоры, центральный компонент образной части), скрытый термин (означаемое, то есть отгадка), постоянная истинная посылка (характеристика, верная для означающего и означаемого), скрытые и явные переменные посылки (характеристики, указывающие на некоторое несоответствие означающего действительности и на условия, при которых означающее верно). Исследователь акцентирует внимание на том, что именно переменные посылки имеют приоритетное значение для нахождения скрытого термина [6, с. 256–257].

Семантическая структура загадки также рассматривается Ю. И. Левиным [11], А. Н. Журиным [5], А. Е. Туниным [15], А. Р. Махтаруллиной, Г. Р. Туктаровой [13] и др. При анализе структурных элементов Ю. И. Левин исходит из того, что загадка представляет собой «трансформированное» описание энigmat, и выделяет ряд описательных элементов и типов их преобразования, применяя для их обозначения буквы латинского алфавита и репрезентируя каждую загадку в виде формулы. Кроме этого, вводится понятие *point* – «структурное начало в загадке, обычно несущее в себе элемент неожиданности – то, что выделяет загадку из класса обычных фраз, делая ее художественно значимой» [11, с. 293]. Внутренний семантический *point* затрагивает только вопросительную часть загадки, а внешний семантический *point* реализуется посредством непредсказуемого и необычного соотношения энigmat и энigmat и связан с эффектом обманутого ожидания [11, с. 283–302]. Видение семантической структуры загадки А. Р. Махтаруллиной и Г. Р. Туктаровой представляется более лаконичным и включает три структурообразующих элемента: денотат (закодированный объект); заместительный объект, имеющий общие характеристики с денотатом; описание, верное для заместительного объекта и для денотата [13, с. 129].

Ряд современных лингвистов исследует организацию загадки с точки зрения когнитивного подхода [1; 4; 7; 13]. По мнению М. Л. Ковшовой и О. С. Орловой, загадка является сложным знаком, части которого – исходный денотат и преобразованный денотат – дистанцированы друг от друга с определённой игровой интенцией. Дистанцирование осуществляется по субъектному, темпоральному и локальному аспектам: адресант / адресат; произнесение (чтение) преобразованного денотата происходит ранее воспроизведения исходного денотата; размещение исходного денотата в скобках или в от-

дельной части сборника. Декодирование преобразованного денотата приводит к закреплению «воссоединённого» знака в сознании адресата. М. Л. Ковшова и О. С. Орлова акцентируют внимание на способах категоризации и концептуализации знаний об окружающей действительности в данном знаке и предлагают анализировать структуру загадки посредством когнитивно-культурологического комментария. Когнитивный комментарий эксплицирует организацию метафоры в загадке. К её составляющим относятся исходная понятийная область-источник, область-приемник, типовой сценарий, понятийные компоненты, фреймы, типовые слоты [см. подробнее 7]. Культурологический комментарий охватывает этимологическую информацию, данные о соотношении преобразованного денотата с культурными кодами, указание на объём знаний и ассоциаций, пробуждаемых преобразованным денотатом в сознании реципиента [7].

С позиции теории речевых актов в структуре загадки описываются пропозициональный, локутивный и иллокутивный компоненты. Пропозицией, тем, на что ссылается каждая загадка, У. Фикс считает латентные знания, которые адресант намеревается «пробудить» у адресата. Эти знания должны основываться на общем опыте и чаще всего связаны с тематическими областями, ассоциирующимися с ощущением неуверенности и страха: смерть, время, устройство мира, космология, сексуальная сфера. Иллокутивный компонент – это постановка вопроса, призывающего к ответу. Отличием вопроса загадки от других вопросов является, по мнению У. Фикс, то, что он содержит в себе ответ. Данное отличие затрагивает и пропозициональный, и локутивный компоненты: способ формулировки подсказывает ответ или даже предопределяет его. Особенностью ответа представляется то, что он извлекает латентные знания. При этом, как отмечает У. Фикс, первостепенное значение имеет

не содержание ответа, а его поиск и нахождение [17, р. 199–200].

Анализ представленных подходов к изучению структурной организации загадки позволяет сделать вывод о том, что в современном языкознании вопросная часть загадки (энигматор) и ответная часть (энигмат) рассматриваются как целостный конструкт. Ответная часть представляется как исходный денотат, а вопросная часть содержит в себе преобразованный (закодированный) денотат как совокупность заместительного элемента и характеристик, верных для исходного и преобразованного денотатов.

Анализ эмпирического материала

Наряду с вышеизложенными подходами структура энигматического текста изучается также в аспекте субъектно-адресатной организации. При изучении данного аспекта подчёркивается наличие различных субъектов речи в загадках. Субъектом речи считается «носитель речи», лицо, которое изображает что-либо [9, с. 20]. В качестве субъекта речи могут выступать автор, рассказчик и персонажи произведения [3, с. 61]. Субъектное разнообразие отмечается в энигматических текстах разных эпох. Например, в большей части загадок древнеримского поэта Симфония субъектом речи выступает персонифицированный загаданный объект, для небольшого количества текстов типичной чертой является «отсутствие» субъекта речи и описание энигмата в третьем лице [19]. Загадки Эксетерского кодекса характеризуются тремя типами субъектов речи: повествование ведётся от лица загаданного объекта, от лица рассказчика или загаданный объект представляется без ссылки на рассказчика. Кроме того, в некоторых текстах, как и в загадках. Симфония, субъект речи вербально «взаимодействует» с адресатом, вовлекая его в ситуацию загадывания/отгадывания [23]. Подобная субъектно-адресатная структура упоминается исследователями

немецких, авторских русских, современных английских энигматических текстов [8; 10; 12; 14]. В изучаемых нами авторских немецкоязычных энигматических текстах XVIII–XX вв. также можно выделить три типа субъектов речи. Для наибольшего количества текстов анализируемого корпуса характерно повествование от первого лица, при этом в 495 текстах «загадывает» загадку сам энигмат, в 329 текстах субъектом речи выступает эксплицитно представленный нарратор¹. Наименьшую группу (162 текста) образуют энигматические тексты, в которых закодированный энигмат описывается нарратором, вербальное «присутствие» которого не выражено в тексте. Помимо этого, эмпирический материал отличается композиционным разнообразием: для текстов присуще различное вербальное «взаимодействие» субъекта речи, энигмата и адресата.

Рассмотрим подробнее особенности субъектно-адресатной организации энигматических текстов, субъектом речи которых выступает энигмат. С опорой на терминологический аппарат нарратологии, мы рассматриваем данный субъект речи как диегетического нарратора, «повествующего о самом себе как о фигуре в диегесисе», являющегося и субъектом повествования, и объектом повествуемой истории [16, с. 46]. Так как в большинстве текстов кодируется неодушевленный энигмат, то речь идёт об антропоморфном нарраторе. Следует отметить структурно-композиционную неоднородность текстов данной группы. Анализируемый материал демонстрирует наличие различных актуализируемых в тексте ролей нарратора и наррататора² и различную степень их вербального взаимодействия.

¹ См.: Нарратор – посредник между автором и повествуемым миром, носитель повествовательной функции [16, с. 10].

² Наррататор или фиктивный читатель – «адресат фиктивного нарратора, та инстанция, к которой нарратор обращает свой рассказ ... подразумеваемый образ адресата» [16, С. 54]

Нами были выделены четыре типа субъектно-адресатной структуры данных энигматических текстов.

Примером первого типа субъектно-адресатной структуры служит энигматический текст, в котором субъектом речи выступает энигмат «яйцо» («das Ei»):

Ich bin ein Haus, doch weiß kein Mensch mich zu erbauen;

Will, der drin wohnt, hinaus, muss er das Haus in Stücke hauen.

Ich bin ein Fass, doch ohne Spund und ohne Bänder;

Zwar ist mein Inhalt nass, doch just kein Witz- und Freudenspender.

Ein Ofen bin ich dann, der Wärme von sich strömt und Leben;

Doch schürt man mich nicht drinnen an, von außen wird mir Glut gegeben.

Und bin noch vielerlei, sogar die Zuflucht mancher Frommen, zu der allwöchentlich sie kommen.

*Nun sagt, was Ofen, Fass und Haus wohl sei?*¹

Персонифицированный энигмат эксплицируется посредством личного местоимения первого лица ед. ч. в именительном, винительном и дательном падежах («ich», «mich», «mir»), притяжательного местоимения «mein» и копулятивного глагола «sein» в форме первого лица ед. ч. «bin». С опорой на метафорические сравнения («Ich bin ein Haus ...; Ich bin ein Fass ...; Ein Ofen bin ich dann» / «Я дом ...; я бочка ...; я и печь») и на парадоксальные характеристики («Ich bin ein Haus, doch weiß kein Mensch mich zu erbauen» / «я – дом, но никто не знает, как меня построить»; «... ein Fass, doch ohne Spund und ohne Bänder» / «... бочка без пробки и обручей»; «Ein Ofen ... doch schürt man mich nicht drinnen an» / «печь, но меня не растапливают внутри»²) субъект речи описывает себя как закодированного энигмата. Помимо

этого, последняя строка текста, а именно вопрос-призыв к нахождению ответа, актуализирует роль загадывающего загадку у нарратора и отгадывающего загадку у нарратора: «Nun sagt, was Ofen, Fass und Haus wohl sei?» / «А теперь скажите, чем могли бы быть печь, бочка и дом?». Побудительная модальность высказывания реализуется глаголом «sagen» («сказать») в форме второго лица мн. ч. повелительного наклонения. Нарратор вовлекает нарратора в «диалог», результатом которого должно стать нахождение описанного закодированного энигмата.

Актуализация ролей загадывающего и отгадывающего загадку осуществляется не только посредством призыва к отгадыванию, но и с помощью подсказок нарратора. Так, в загадке³ об алфавите и финикийцах⁴, адресату сообщается, что часть отгадки была уже названа выше: «meinen Vater müsst Ihr kennen, *nannt ihn doch das Rätsel schon*; nun versucht es, mich den Sohn, *der hier vor Euch steht*, zu nennen» / «Вы наверняка знаете моего отца, *ведь его имя уже было названо в загадке*; теперь попытайтесь назвать меня, его сына, *который стоит здесь перед Вами*». В призыв назвать отгадку также включена подсказка, более сложно поддающаяся дешифровке и указывающая на местонахождение второго энигмата, а именно на то, что перед читающим располагаются буквы алфавита.

Вышеизложенное позволяет представить данный тип субъектно-адресатной структуры с помощью схемы (см. рис. 1).

Второй тип субъектно-адресатной структуры демонстрирует загадка, в которой закодирован энигмат «жизнь» («Das Leben»):

¹ См.: von Elsholtz F. Rätselgedicht Nr. 2593 // Website von Angela und Otto Janko. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/02/593.htm> (дата обращения: 10.06.2022).

² Здесь и далее перевод примеров наш – К. Н.

³ Robert L. Rätselgedicht Nr. 1616 // Website von Angela und Otto Janko. URL: <https://www.janko.at/RaetselGedichte/01/616.htm> (дата обращения: 10.06.2022).

⁴ Считается, что создателями первого алфавита были финикийцы. В данном энигматическом тексте заместительными объектами алфавита и его создателей выступают «сын» и «отец».

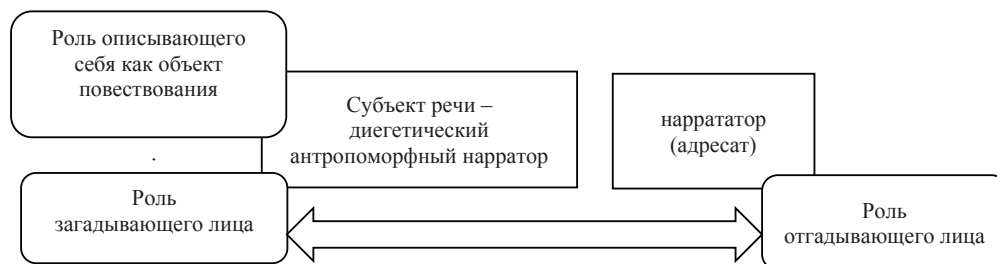

Рис. 1 / Fig. 1. Первый тип субъектно-адресатной структуры / The first type of subject-addressee structure

Источник: составлено автором.

Beliebt bei jedermann vom König bis zum Bauer;
Teils angenehm und süß, teils ekelhaft und sauer;
Bald lang und bald sehr kurz, oft böse, oft auch schön,
Und dennoch würdest *du* hier ohne *mich* nicht stehn.
Du hast *mich* ganz umsonst, *mich* bestes Ding der Welt;
Vergebens kaufst *du mich* für Schmeichelei und Geld.
*Nun rate, was ich sei! Schreib' fünf*e nur und ja,
So ist die Antwort drauf in fremder Sprache da.¹

В данном типе коммуникативной структуры осуществляется двуплановое взаимодействие нарратора и наррататора: как объектов повествования и как загадывающего загадку и отгадывающего её. Самореференция нарратора реализуется посредством личного местоимения первого лица ед. ч. в именительном и винительном падежах (“*ich*”, “*mich*”), языковая экспликация нарратора – с помощью личного местоимения второго лица ед. ч. (“*du*”). Их взаимодействие как объектов повествования наблюдается при описании субъектом речи своей значимости для адресата: “... oft böse, oft auch schön, und dennoch würdest *du* hier ohne *mich* nicht stehn. *Du* hast *mich* ganz umsonst, *mich* bestes Ding der Welt; vergebens kaufst *du mich*

für Schmeichelei und Geld“ / «... часто злая, но часто и прекрасная, и всё же тебя бы не было здесь без меня. Ты получил меня даром, меня – лучшее, что есть на свете, и ты не купишь меня за лесть и деньги». Реализация ролей загадывающего и отгадывающего загадку осуществляется с помощью призыва отгадать, чем является энигмат и подсказки в виде совета написать цифру «пять» и слово «да» на иностранном языке². Средством выражения побудительной модальности выступают глаголы “*taten*” / «отгадывать» и “*schreiben*” / «писать» в форме второго лица ед. ч. повелительного наклонения.

Особенности взаимодействия нарратора и наррататора в следующем примере обусловлены отличительными чертами логогрифа – типа энигматических текстов, в котором закодированы несколько энигматов, семантически не связанных друг с другом, но имеющих сходный буквенный состав. При успешном декодировании одного из энигматов достаточно добавить или убрать определённую букву из обозначающего его слова для декодирования последующих энигматов. При этом в большинстве подобных текстов содержится метафорическое указание на то, какую именно букву следует удалить или добавить, например, «голова» (“*der Kopf*”) – первая буква первого энигмата, «шея» (“*der Hals*”) – вторая буква первого эниг-

¹ Kortum C. Rätselgedicht Nr. 3732 // Website von Angela und Otto Janko. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/732.htm> (дата обращения: 10.06.2022).

² Римская цифра «5» обозначается на письме как «V». Слово «да» на латинском – “*ita*”. Латинское слово “*Vita*” означает «жизнь».

мата. В анализируемом логогрифе закодированы энигматы «Клебер»¹ (“Kleber”), «печень» (“Leber”), «дикий кабан» (“Eber”), «виноградная лоза» (“Rebe”):

In Ägypten hab' *ich* einst gefochten,
Meine Lorbeer'n sah Germanien;
Was Talent und Tapferkeit vermochten,
Kannst du, Leser, glänzend an mir seh'n.
Nimm den Kopf mir, und zu einem Teile
Deines eig'nen Körpers werd *ich* gleich,
Fehlt der Hals mir überdies, dann *eile*,
Sonst spedir' *ich* dich ins Schattenreich;
Werd' *ich* endlich so noch umgekehrt,
Biet' *ich* Früchte dir von hohem Wert.²

Роль нарратора как загадывающего загадку актуализируется обращением к наррататору, которое выполняет функцию инструкции: “Nimm den Kopf mir, ...” / если ты заберёшь у меня голову (первую букву), а также наименованием наррататора «читатель» (Leser). Кроме того, в речь нарратора включены и другие инструкции для адресата по действиям с буквами слов, обозначающих закодированные энигматы: “Fehlt der Hals mir überdies ...” / «Если кроме этого у меня не будет шеи ...»; “Werd' ich endlich so noch umgekehrt ...” / «Если меня наконец пере-

вернут ...». Описание нарратором себя как зашифрованного энигмата происходит с вовлечением наррататора в это описание. Тем самым адресат также становится объектом повествования: “... zu einem Teile deines eig'nen Körpers werd ich gleich” / «я сразу же стану частью твоего собственного тела»; “eile, sonst spedir' ich dich ins Schattenreich” / «поспеши, иначе я отправлю тебя в царство теней»; “... biet' ich Früchte dir von hohem Wert” / «тогда я угощу тебя бесподобными плодами.

Такой тип субъектно-адресатной структуры визуализируется посредством схемы, представленной на рис. 2.

Третий тип субъектно-адресатной структуры отличается от предыдущих отсутствием в текстах языковых средств, эксплицирующих роли загадывающего и отгадывающего загадку у нарратора и наррататора. Их взаимодействие происходит только на уровне объектов повествования. Так, следующий пример представляет «диалог» между антропоморфным нарратором (энигмат «ботинки» (“Schuh”)) и наррататором («владелец ботинок»): “Füllen, drücken, schnüren, schleppen in den Kot kannst du uns: doch zittre vor der Not, wenn von uns sich einer wird verlieren” / «Ты можешь нас нагружать, давить, стягивать, тащить в нечистоты, но бойся нужды, если один из нас пропадёт»³.

¹ Клебер Жан Батист (09.03.1753, Страсбург – 14.06.1800, Каир), французский генерал.

² Auernhammer J. Ch. Rätselgedicht Nr. 7483. Logograph und Palindrom // Website von Angela und Otto Janko. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/07/483.htm> (дата обращения: 10.06.2022).

³ Thiele J. G. Ph. Rätselgedicht Nr. 8067 // Website von Angela und Otto Janko. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/Thiele.htm> (дата обращения: 10.06.2022).

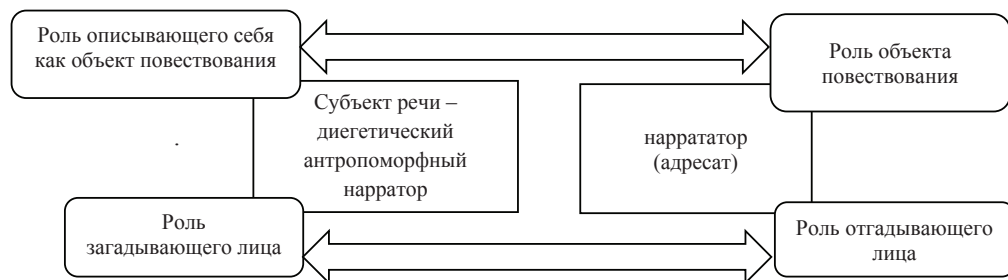

Рис. 2 / Fig. 2. Второй тип субъектно-адресатной структуры / The second type of subject-addressee structure

Источник: составлено автором

Самореференция субъекта речи реализуется с помощью личного местоимения первого лица мн. ч. в винительном падеже (“uns”), а вовлечение адресата в описание энigmatа эксплицируется личным местоимением второго лица ед. ч. (“du”) и модальным глаголом «мочь» в

соответствующей форме (“kannst”), а также глаголом «дрожать» в форме второго лица ед. ч. повелительного наклонения (“zittre”).

Данный вид субъектно-адресатной структуры схематично представлен на рис. 3.

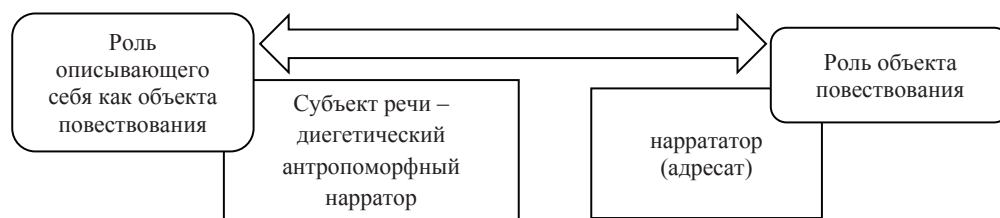

Рис. 3 / Fig. 3. Третий тип субъектно-адресатной структуры / The third type of subject-addressee structure

Источник: составлено автором

Энигматические тексты последней группы обнаруживают языковые средства актуализации нарратора исключительно в роли объекта повествования, в то время как маркеры эксплицитного изображения нарратора в какой-либо из ролей отсутствуют. Таким образом, данные тексты представляют собой монологические высказывания персонифицированных энigmatов о своих качествах, признаках, поступках в закодированной форме. Рассмотрим загадку с энigmatом «блoхa» (“Floh”):

*Bin von Natur ein Akrobat,
Der tolle Sprüng' in petto hat,
Womit er Weib und Kind und Mann
Zuweilen überraschen kann.
Zwar bin ich überall gehasst,
Und jeder wütend nach mir fasst!
Und wenn ich keinen Ausweg finde,
So geht's zu End' mit mir geschwinde.¹*

Языковая экспликация нарратора осуществляется, как и в вышеприведённых примерах, с помощью личного местоимения первого лица ед. ч. в именитель-

ном и дательном падежах (“ich“, “mir“) и копулятивного глагола “sein” в форме первого лица ед. ч. (“bin”). В описании себя нарратором можно выделить три основных закодированных характеристики: способность быстро передвигаться с помощью прыжков (“Bin von Natur ein Akrobat, der tolle Sprüng' in petto hat” / «Я от природы акробат, у которого в запасе прекрасные прыжки»); отрицательное отношение окружающих (“Zwar bin ich überall gehasst, und jeder wütend nach mir fasst!” / «Меня повсюду ненавидят, и каждый яростно пытается меня поймать») и вероятность быстрого прекращения существования (“Und wenn ich keinen Ausweg finde, so geht's zu End' mit mir geschwinde” / «А если я не найду выход, со мной быстро покончат»). Актуализация роли лица, загадывающего загадку, как и выявленность нарратора отсутствуют.

Схематичное изображение четвёртого типа субъектно-адресатной структуры представлено на рис. 4.

Заключение

Проведённое исследование показало, что немецкоязычные авторские энigmatические тексты XVIII–XX вв., как и английские и русские энigmatические

¹ Wöbbe E. Rätselgedicht Nr. 5233 // Website von Angela und Otto Janko. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/05/233.htm> (дата обращения: 10.06.2022).

Рис. 4 / Fig. 4. Четвёртый тип субъектно-адресатной структуры / The fourth type of subject-addressee structure

Источник: составлено автором

тексты разных эпох, демонстрируют разнообразие субъектно-адресатной структуры. В наибольшем количестве текстов (50%) субъектом речи выступает энигмат, рассматриваемый нами как диегетический антропоморфный нарратор. Субъектом речи так же является рассказчик как эксплицитно представленный нарратор (33% текстов) и как имплицитно представленный нарратор (17% текстов). Анализ энигматических текстов, пове-

ствование в которых ведётся от первого лица, а именно от лица диегетического антропоморфного нарратора, позволил выделить 4 типа субъектно-адресатной структуры, отличающихся друг от друга степенью эксплицитно представленного взаимодействия нарратора и наррататора и языковой актуализацией их ролей во внутритекстовой коммуникации.

Дата поступления в редакцию 08.08.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф., Семененко Н. Н. Значение и смысл русских паремий в свете когнитивной прагматики // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 85. № 6-2. С. 169–180.
2. Барабанова Н. В., Пермяков Г. Л. О логической структуре некоторых загадок // Паремиологические исследования: сборник статей. М.: Наука, 1984. С. 96–104.
3. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 191 с.
4. Дзюба Е. В. Лингвокогнитивная природа русской народной загадки // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 168–172.
5. Журицкий А. Н. Семантическая структура загадки. М.: Наука, 1989. 128 с.
6. Кёнгес-Маранда Э. Логика загадок / пер. Н. Кузьминой // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка. М.: Наука, 1978. С. 249–282.
7. Ковшова М. Л., Орлова О. С. К вопросу о семантической структуре загадки. Когнитивный и культурологический комментарий как принцип исследования // Тульский научный вестник. Серия: История. Языкознание. 2020. № 4 (4). С. 70–79.
8. Кондрашова С. С. Языковая картина мира в английской загадке: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2017. 198 с.
9. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. М.: Просвещение, 1972. 110 с.
10. Кузнецова Т. С. Загадки эксетерского кодекса в фольклорно литературном контексте средневековья: дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008. 225 с.
11. Левин Ю. И. Семантическая структура загадки // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка. М.: Наука, 1978. С. 283–314.
12. Левченко М. Н. Загадка как тип текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 2. С. 82–89.
13. Мухтаруллина А. Р., Туктарова Г. Р. Когнитивно-семантическая структура текста загадки (на материале английского, русского и башкирского языков) // Перспективы Науки и Образования. 2017. № 6 (30). С. 126–132.

14. Струкова Т. В. Энигматические жанры русской поэзии: эволюция и типология: дисс. ... докт. филол. наук. Орел, 2019. 477 с.
15. Тунин А. Е. Новогреческие загадки в сопоставлении с балканославянскими: семантика и структура: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012. 299 с.
16. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 430 с.
17. Fix U. Texte und Textsorten – sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene. Berlin: Frank & Timme GmbH Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2008. 506 p.
18. Kamalova A. Народная загадка сквозь призму логического анализа // Acta Neophilologica. 2015. No. XVII (1). P. 5–16.
19. Kelling V. Aenigmata Symphosii. Die Affinität von Rätsel und Epigramm // Graeco-Latina Brunensia. 2010. Vol. 15. Iss. 2. P. 101–115.
20. Petsch R. Neue Beiträge zur Kenntnis des Volksrätsels. Berlin: Mayer&Müller, 1899. 152 p.
21. Schönfeldt A. Zur Analyse des Rätsels // Zeitschrift für deutsche Philologie. 1978. No. 97. P. 60–73.
22. Tomasek T. Das deutsche Rätsel im Mittelalter. Tübingen: Niemeyer, 1994. 353 p.
23. Williamson C. The Old English Riddles of the Exeter Book. Chapel Hill: University of North Carolina, 1977. 484 p.

REFERENCES

1. Alefirenko N. F., Semenenko N. N. [Meaning and sense of Russian parables in the aspect of cognitive pragmatics]. In: *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science And Culture], 2010, vol. 85, no. 6-2, pp. 169–180.
2. Barabanova N. V., Permyakov G. L. [On the logical structure of some riddles]. In: *Paremiologicheskiye issledovaniya* [Paremiological studies]. Mpscow, Nauka Publ., 1984, pp. 96–104.
3. Valgina N. S. *Teoriya teksta* [Text theory]. Moscow, Logos Publ., 2003. 191 p.
4. Dziuba E. V. [Linguo-cognitive nature of the Russian folk riddle] // *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2019, no. 37, pp. 168–172.
5. Zhurinski A. N. *Semanticheskaya struktura zagadki* [The semantic structure of the riddle]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 128 p.
6. Konges-Maranda E. [The logic of riddles]. In: *Paremiologicheskii sbornik. Poslovitsa. Zagadka* [Paremiological collection. Proverb. Mystery]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 249–282.
7. Kovshova M. L., Orlova O. S. [On the semantic structure of riddles. Cognitive and culturalological comment as a means of research]. In: *Tul'skiy nauchnyy vestnik. Seriya: Istoriya. Yazykoznaniye* [Tula Scientific Bulletin. Series: History. Linguistics], 2020, №4 (4), pp. 70–79.
8. Kondrashova S. S. *Yazykovaya kartina mira v angliyskoy zagadke: diss. ... kand. filol. nauk* [Language picture of the in the English riddle: PhD thesis in Philological Sciences]. Volgograd, 2017. 198 p.
9. Korman B. O. *Izucheniye teksta khudozhestvennogo proizvedeniya* [The study of the text of a work of art]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1972. 110 p.
10. Kuznetsova T. S. *Zagadki ekseterskogo kodeksa v fol'klorno literaturnom kontekste srednevek'ya: diss. ... kand. filol. nauk* [Riddles of the Exeter codex in the folklore-literary context of the Middle Ages: PhD thesis in Philological Sciences]. Chelyabinsk, 2008. 225 p.
11. Levin Yu. I. [The semantic structure of the riddle]. In: *Paremiologicheskii sbornik. Poslovitsa. Zagadka* [Paremiological collection. Proverb. Mystery]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 283–314.
12. Levchenko M. N. [Riddle as a type of the text]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2011, no. 2, pp. 82–89.
13. Moukhtarullina A. R., Touktarova G. R. [The cognitive-semantic structure of texts of riddle (on the basis of English, Russian and Bashkir languages)]. In: *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya* [Perspectives of Science and Education], 2017, no. 6 (30), pp. 126–132.
14. Strukova T. V. *Enigmaticheskiye zhanry russkoy poezii: evolyutsiya i tipologiya: diss. ... dokt. filol. nauk* [Enigmatic genres of Russian poetry: evolution and typology: D. thesis in Philological Sciences]. Orel, 2019. 477 p.
15. Tunin A. Ye. *Novogrecheskiye zagadki v sopostavlenii s balkanoslavyanskimi: semantika i struktura: diss. ... kand. filol. nauk* [Modern Greek riddles in comparison with the Balkan Slavic ones: semantics and structure: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2012. 299 p.

16. Shmid B. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2008. 430 p.
17. Fix U. Texte und Textsorten – sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene. Berlin, Frank & Timme GmbH Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2008. 506 p.
18. Kamalova A. [The logical description of national ideas]. In: *Acta Neophilologica*, 2015, no. XVII (1), pp. 5–16.
19. Kelling V. Aenigmata Symphosii. Die Affinität von Rätsel und Epigramm. In: *Graeco-Latina Brunensia*, 2010, vol. 15, iss. 2, pp. 101–115.
20. Petsch R. Neue Beiträge zur Kenntnis des Volksrätsels. Berlin, Mayer&Müller, 1899. 152 p.
21. Schönfeldt A. Zur Analyse des Rätsels. In: *Zeitschrift für deutsche Philologie*, 1978, no. 97, pp. 60–73.
22. Tomasek T. Das deutsche Rätsel im Mittelalter. Tübingen, Niemeyer, 1994. 353 p.
23. Williamson C. *The Old English Riddles of the Exeter Book*. Chapel Hill, University of North Carolina, 1977. 484 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Новикова Кристина Александровна – старший преподаватель кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета;
e-mail: kristinanovikova2012@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kristina A. Novikova – Senior Lecturer, Department of German Philology, Kuban State University;
e-mail: kristinanovikova2012@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Новикова К. А. Структура энigmatического текста: субъектно-адресатный аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 2. С. 98–108.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-98-108

FOR CITATION

Novilova K. A. The structure of an enigmatic text: the subject-address aspect. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 2, pp. 98–108.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-98-108